

Российская академия наук, до сих пор сохраняющая позиции главной научной организации страны, не остаётся неизменной. Но все ли её преобразования выдерживают проверку временем? Какие из нововведений последних десятилетий себя не оправдали? Оптимален ли нынешний механизм отбора кандидатов в члены академии? Об этом размышляет автор предлагаемой статьи, приглашая к обсуждению поднятой темы наших читателей.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

А.А. Саркисов

Российская академия наук является одним из старейших институтов нашего государства – да той её основания принято считать 8 февраля (по новому стилю) 1724 г., когда Сенат одобрил проект Петра I об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук и художеств. Пётр I так формулирует цель создаваемого учреждения: “Надлежит такое здание учинить, через которое не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и через обучение и расположения оных польза в народе впредь была”. При этом император подчёркивал, что “невозможно, чтобы здесь следовать в прочих государствах принятому образцу” [1, с. 7].

На протяжении почти 300 лет истории Академии наук учёные верно служили Отечеству и народу. Структура, состав и цели академии неоднократно изменялись, однако она всегда оставалась высшим научным учреждением страны, мировым центром исследований в области математики, естественных, технических, гуманитарных и общественных наук. Единственная реальная попытка ликвидировать Академию наук была предпринята в середине 1918 г., когда научный отдел Наркомпроса подготовил предложение о её преобразовании в Ассоциацию научных учреждений. К счастью, рассмотрение этого документа из-за бюрократических проволочек затянулось.

САРКИСОВ Ашот Араkelo-
вич – академик, советник РАН.

Об этой инициативе стало известно непременно секретарю академии С.Ф. Ольденбургу (он занимал эту должность с 1904 по 1929 г.), который, имея возможности лично обратиться к В.И. Ленину, попросил это сделать известного физика академика П.П. Лазарева. В ответ на его обращение в августе 1918 г. Ленин потребовал от наркома А.В. Луначарского прекратить нападки на Академию наук [2].

Для соблюдения исторической строгости необходимо упомянуть также о скандальном конфликте между Академией наук СССР и руководителем партии и государства Н.С. Хрущёвым. Возмущившись тем, что Общее собрание академии не избрало на специально выделенные вакансии сторонников Т.Д. Лысенко, Хрущёв на Пленуме ЦК КПСС 1964 г. заявил: “Мы разгоним эту академию к чёртовой матери!” [3, с. 168]. Однако и у него хватило ума не предпринимать каких-либо практических действий, ограничившись лишь этим непристойным выпадом.

Второй в истории Академии наук процесс её ликвидации был запущен уже в новейшее время в ходе поспешных и непродуманных реформ 1990-х годов, самыми пагубными из которых явились реформы в области образования и науки. Не углубляясь в детали развёрнутой против Российской академии наук кампании, можно констатировать, что содержание предлагавшихся преобразований сводилось к фактической ликвидации РАН как одного из последних “рудиментов” советской системы, к отторжению от неё научных учреждений, превращению её в своего рода почётный клуб. Подобные попытки были инициированы Б.Г. Салтыковым, занимавшим пост министра науки и технической политики с 1991 по 1996 г. сначала в правительстве Е.Т. Гайдара, а затем В.С. Черномырдина. Такие попытки не прекращались и позже при покровительстве и поддержке со стороны теперь уже бывшего министра образования и науки А.А. Фурсенко и отдельных

высокопоставленных чиновников правительства и администрации Президента страны. Прямые атаки в средствах массовой информации сопровождаются практическими шагами, направленными на планомерный подрыв лидирующей роли РАН в научной деятельности в стране, на распыление и без того скудных средств, выделяемых на проведение исследований, между неподведомственными академии структурами, которые создаются в спешном порядке без обсуждения с широкой научной общественностью и серьёзного сравнительного анализа различных вариантов решения возлагаемых на них задач. Для их организации и обеспечения работы требуются колоссальные финансовые затраты, соизмеримые с расходами на поддержку фундаментальных исследований, причём их окупаемость даже в перспективе представляется весьма сомнительной.

И всё же, несмотря на то, что многие недостатки и проблемы, возникшие в деятельности академии, можно было бы объяснить трудными условиями, в которых она вынуждена функционировать в течение более чем двух последних десятилетий, совершенно очевидно, что отрицать необходимость принятия мер по оптимизации её структуры и деятельности было бы, по меньшей мере, недалёковидно. Нельзя согласиться с когда-то сказанными то ли в шутку, то ли всерьёз словами академика Л.А. Арцимовича: “В России есть только два принципиально не реформируемых института – Православная церковь и Академия наук” [4, с. 86]. Оставим в стороне Православную церковь. Что же касается Академии наук, то безусловная необходимость проведения назревшей структурной реорганизации диктуется не только накопившимися за многие годы проблемами, но и произошедшими в стране коренными политическими, социальными и экономическими изменениями, новой конфигурацией мирового устройства, вызовами очередной волны научно-технической революции.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, так это на чрезмерную громоздкость структуры академии, наличие в её составе явно избыточного числа научных учреждений. Сегодня в составе РАН насчитывается более 430 институтов, различных центров и других научных организаций, не считая большого числа неакадемических институтов, работающих под методическим руководством отделений академии. Наряду с высокоэффективными научными учреждениями, успешно осуществляющими фундаментальные исследования по самым актуальным направлениям современной науки, немало откровенно слабых институтов, дальнейшее сохранение которых в составе академии представляется сомнительным. Кроме того, в Академии наук функционирует около 400 научных советов, различных комитетов, обществ и ассоциаций, уже в названиях которых просматривается очевидный па-

раллелизм осуществляемых ими функций. Многие научные советы малоэффективны, а некоторые пребывают в состоянии анабиоза, не созываясь в течение длительного времени – месяцами и даже годами.

К сожалению, до сих пор отсутствуют убедительные, воспринимаемые научным сообществом объективные критерии оценки эффективности деятельности научных учреждений, что нередко становится почвой для необоснованной критики и упреков в адрес Академии наук. Впрочем, нельзя отрицать тот очевидный факт, что за последние 20 с лишним лет отмечается неуклонное снижение количества и качества научных исследований, что связано с недопустимо низким для нашей страны уровнем финансирования науки и падением спроса на передовые научные разработки в экономике страны. За все эти годы государство не выдвинуло перед наукой и экономикой ни одной масштабной задачи, сопоставимой, например, с созданием ядерного оружия или ядерной энергетики, атомного подводного и ледокольного флота, освоением космического пространства. Выдвигаемая задача модернизации экономики остаётся на уровне лозунгов, потому что не подкрепляется соответствующими программами перспективного развития страны и адекватными финансовыми вложениями в экономику, науку и образование.

Основным источником финансирования национальных фундаментальных исследований всегда выступал государственный бюджет. Расходы на фундаментальные исследования в США составляют 0.48% ВВП, во Франции – 0.56%, в Японии – 0.48%, в России – 0.16% [5]. Отставание нашей страны по объёму финансирования фундаментальной науки становится особенно наглядным, если провести сравнение с учётом фактического уровня ВВП в разных странах. Так, объём ВВП России примерно в 10 раз меньше, чем в США, в то время как на науку из бюджета тратится в 25 раз меньше [6]. Не считая науки оборонного комплекса, этот бюджет составляет около 2 млрд. долл., в то время как годовые бюджеты отдельных, не самых крупных американских университетов и национальных лабораторий превышают указанную сумму.

На мой взгляд, многие проблемы академии могут быть успешно решены при сохранении проверенных временем основных концептуальных принципов её организации путём оптимизации её структуры и состава на основе тщательно продуманного системного подхода. К сожалению, осуществляемые в настоящее время изменения по сути своей носят характер оборонительной реакции на спорадические решения Министерства образования и науки РФ, а также на критику и нападки, содержащиеся в многочисленных и по большей части политизированных и

тенденциозных критических публикациях в средствах массовой информации, авторы которых образуют сравнительно устойчивую по составу группу лиц. Некоторые из них ещё в недавнее время занимали видные посты, другие близки к представителям родственного им по идеологии крыла в руководстве страны.

Первым, безусловно, необходимым шагом в направлении оптимизации структуры и улучшения эффективности деятельности РАН должно явиться уточнение её роли и места в государственном устройстве с учётом сложившихся к настоящему времени общественно-политических реалий, а также чёткое определение стратегических целей, траекторий и методов намеченных изменений. При этом все мероприятия по совершенствованию РАН должны осуществляться на основе разработанной ею и одобренной руководством страны целостной концепции, к созданию которой должна привлекаться широкая научная общественность. Некоторые частные соображения, касающиеся отдельных волнующих академического сообщества проблем, рассматриваются ниже.

Традиционно сложившаяся в нашей стране структура Академии наук, кроме избираемого сообщества её действительных членов и членов-корреспондентов, включает большое число научно-исследовательских институтов, реализующих широкий спектр фундаментальных исследований. Примеры подобного устройства академий, вообще говоря, имеются и в других странах, однако формы организации фундаментальных исследований отличаются большой пестротой. Значительно чаще национальные академии наук лишены собственных научных учреждений и выполняют роль высшего научного экспертного органа. Отдельные функции академии наук в других странах реализуются вузами или специальными научно-организационными структурами. Так, в Германии нет единой академии наук. Действует семь различных академий, объединённых в Союз немецких академий наук. Число действительных членов и членов-корреспондентов — 1400 человек. При этом передовые научные исследования организуются и осуществляются в основном в рамках четырёх научных обществ: Общества им. М. Планка, Общества им. Й. Фраунгофера, Общества им. Г. Лейбница, Общества им. Г. Гельмгольца. Каждое из них включает в себя большое число научных центров и институтов, в которых непосредственно ведутся передовые фундаментальные и прикладные исследования. Например, Общество им. Й. Фраунгофера объединяет около 80 научных организаций с 12,7 тыс. сотрудников и годовым бюджетом в 1 млрд. евро, Общество им. Г. Гельмгольца — 16 научно-исследовательских центров, Общество им. Г. Лейбница — 79 научно-исследовательских институтов.

Пример другой формы организации научных исследований можно видеть в США, где функционирует созданная в 1863 г. Национальная академия наук. Это научное общество, главной целью которого является содействие развитию науки в масштабах всей страны. Она выполняет роль консультативного органа по вопросам науки и техники для правительства страны и его многочисленных агентств совместно с Национальной академией инженерных наук (создана в 1964 г.). Передовые фундаментальные и прикладные научные исследования проводятся непосредственно в университетских лабораториях и институтах, а также в ряде национальных лабораторий, крупнейшие из которых — Лос-Аламосская, Ливерморская и Окриджская — нацелены на выполнение важных государственных задач обеспечения национальной безопасности и финансируются из бюджета страны. Нужно отметить, что НАН США вместе с Национальной академией инженерных наук и примыкающим к ним Институтом здоровья располагают бюджетом свыше 3 млрд. долл., что превосходит бюджет РАН с её более чем 430 институтами.

Во Франции близкую к функциям нашей Академии наук роль выполняет Национальный центр научных исследований (CNRS). 1100 лабораторий центра заняты исследованиями по всем областям фундаментальной науки. В работах CNRS принимают участие примерно 11 500 постоянных научных сотрудников и 14 000 человек вспомогательного персонала. CNRS — государственная структура, она подчиняется соответствующему министерству и от него же получает финансирование, которое составляет примерно в 2,5 млрд. евро в год (около 100 млрд. руб.), что почти в 2 раза превосходит годовое финансирование РАН, хотя численность населения РФ и Франции составляет соответственно 142 и 65 млн. человек. Значительный объём исследований проводится также во французских университетских лабораториях, научный персонал которых в сумме превосходит численность научных работников CNRS. При этом во Франции тоже есть академия наук, которая никак не связана с Национальным центром научных исследований и выполняет роль клуба учёных.

Все описанные формы организации научных исследований в различных странах имеют свои преимущества и свои особенности, но они возникли не сразу, а сложились исторически и в наибольшей степени отвечают интересам государств и сложившимся традициям. Конкретный выбор той или иной формы связан с множеством различных причин: с историческими обстоятельствами, характером и уровнем экономического развития страны, уровнем научного потенциала и научными традициями, особенностями системы образования, международной ролью и амбиция-

ми государства и, конечно, характером и масштабами возлагаемых на науку задач.

Нынешний облик Российской академии наук сформировался в основном в советский период и соответствовал потребности консолидации научного потенциала для решения грандиозных задач создания современной индустриальной экономики и укрепления обороноспособности страны. Именно в этих условиях была принята концепция построения Академии наук СССР, которая предусматривала систему научно-исследовательских институтов по наиболее актуальным направлениям фундаментальной науки. Интересы обороны и развивающейся экономики потребовали расширения профиля и существенного увеличения числа академических институтов. Своеобразным штабом, определявшим стратегические направления развития науки и осуществлявшим оперативное управление деятельностью институтов, выступало относительно компактное по численности Общее собрание действительных членов и членов-корреспондентов академии. История АН СССР многократно подтвердила оптимальность такой конфигурации. Приведём только один пример — создание в нашей стране ядерного оружия. Решение в кратчайшие сроки этой жизненно важной для сохранения государственности стратегической задачи стало возможным, в частности, потому, что в области ядерной физики в рамках Академии наук СССР к тому времени сформировались мощные научные школы мирового уровня. Ещё одним наглядным подтверждением эффективности организации АН СССР может служить и то обстоятельство, что её структура в своё время была заимствована Китаем, современные успехи которого в науке, экономике и многих других областях демонстрируются всему миру.

Изменившаяся за 20 последних лет социально-политическая и экономическая обстановка, как и накопленные негативные проблемы, безусловно, требуют серьёзной корректировки организационной структуры академии и уточнения юридически-правовых положений её статуса. Однако, на мой взгляд, нет никаких объективных оснований для пересмотра концептуальных основ её организации. Критическое и в то же время бережное отношение к Академии наук как к нашему национальному достоянию является неперемennым условием её совершенствования, оптимизации и расцвета в интересах страны. Устойчивое положение Российской академии наук в течение почти 300 лет — во многом результат эволюционного характера её преобразований. Всякие попытки революционной ломки академии, предпринимаемые неутомимыми “реформаторами”, могут привести к пагубным последствиям, и этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах.

В ряду приоритетных направлений дальнейшего развития РАН отдельное место занимает задача

совершенствования качественного состава академиков и членов-корреспондентов — от этого в решающей степени зависит не только моральный и профессиональный авторитет Академии наук, но и эффективность её функционирования как высшего научного учреждения страны.

В соответствии с Уставом РАН [7], академики и члены-корреспонденты избираются самим академическим сообществом путём тайного голосования. Выборы проводятся не реже одного раза в три года. Общее количество вакансий определяется числом ушедших из жизни членов академии в пределах установленной на данный период её численности. Время проведения выборов, наименования специальностей и количество вакансий по каждой специальности устанавливаются Президиумом Академии наук с учётом предложений её специализированных и региональных отделений и региональных научных центров.

В декабре 2011 г. состоялись последние выборы, в ходе которых были избраны 81 действительный член и 132 члена-корреспондента РАН. В числе избранных немало достойных учёных, внёсших выдающийся вклад в развитие отечественной и мировой науки. Вместе с тем выборы высветили ряд негативных тенденций, которые в той или иной степени имели место и ранее, но с течением времени, от одних выборов к другим становились всё более заметными.

При достаточно высоком общем уровне научного потенциала членов Академии наук, который во все времена определял её престиж, состав академии никогда не был однородным. Любопытное суждение по этому поводу высказал выдающийся советский математик А.Н. Колмогоров: “Для устойчивого существования академии нужно, чтобы, по крайней мере, треть её членов составляли те, кого по их заслугам нельзя не избрать, каковы бы ни были их личные качества, иначе это ослабит Академию наук. Ещё 40% могут составлять учёные, которые, если их избрать, будут хорошими академиками, но если их не избрать — катастрофы не будет. И только при этих условиях на оставшуюся часть можно избирать тех, кого нельзя избирать” [8, с. 58]. К сожалению, приходится констатировать, что даже обозначенные А.Н. Колмогоровым весьма либеральные пропорции в последние годы всё более смещаются в сторону последней категории. В то же время, несмотря на агрессивные выступления в СМИ в адрес академии, на целенаправленно создаваемые трудности, мешающие её эффективной деятельности, на возникновение параллельных конкурирующих структур, а также множества общественных академий, в том числе и весьма сомнительного толка, престиж членства в Российской академии наук продолжает оставаться высоким. Именно поэтому конкурс при выборах в академию в течение последних двух десятилетий по-прежнему жёсткий. Однако нельзя

не отметить тенденцию роста числа всевозможных администраторов, государственных чиновников, депутатов и даже бизнесменов, стремящихся быть избранными в академию, хотя эти попытки, за редкими исключениями, получают решительный отпор со стороны академической общественности.

Наблюдается и другая важная тенденция: среди избранных в академию непомерно много лиц, для которых работа в научных учреждениях и участие в научных исследованиях не являются основным содержанием повседневной профессиональной деятельности. Так, на последних выборах из 81 избранного академика около 60 человек являются директорами институтов, заместителями директоров, ректорами вузов, сотрудниками аппарата региональных научных центров. В несколько меньших, но также впечатляющих масштабах эта тенденция проявилась и при избрании членов-корреспондентов. Из 132 новых членов-корреспондентов РАН административные должности занимают более 60 человек. Особенно тревожная ситуация в группе членов-корреспондентов, избранных с ограничением возраста. Здесь из общего числа (31) различные руководящие посты занимают 15 человек. При этом следует иметь в виду, что приведенные цифры являются заниженными, так как справки-аннотации готовятся самими претендентами. Некоторые из них по понятным соображениям не называли основное место своей работы, если по характеру решаемых задач оно не имело ничего общего с профилем научной организации, а указывали лишь занимаемую ими по совместительству должность в каком-нибудь вузе или НИИ. В этой связи вполне адекватной мерой могло бы стать формирование на время выборов мандатной комиссии, одна из функций которой состояла бы в проверке подлинности данных, содержащихся в представленных кандидатами документах, и соответствия научных работ соискателя профилю выбранной вакантной специальности.

Отмеченная тенденция в какой-то мере является закономерной, так как возрастающие сложность и масштабы фундаментальных исследований в ряде научных областей требуют консолидации усилий крупных коллективов, что объективно приводит к усилению организаторской роли научного руководства института. Несомненно, среди руководителей научных учреждений немало настоящих, в том числе и выдающихся учёных, однако нередки случаи, когда на директорские посты выдвигаются, скорее, эффективные менеджеры, чем люди, имеющие склонность к научной деятельности и достигшие в этой сфере сколько-нибудь значимых результатов. Тревожащим является не сам факт избрания в академию отдельных руководителей, а устойчивое увеличение числа выдвигаемых из этой категории кандидатов. Не надо забывать, что наука делается не в директорских

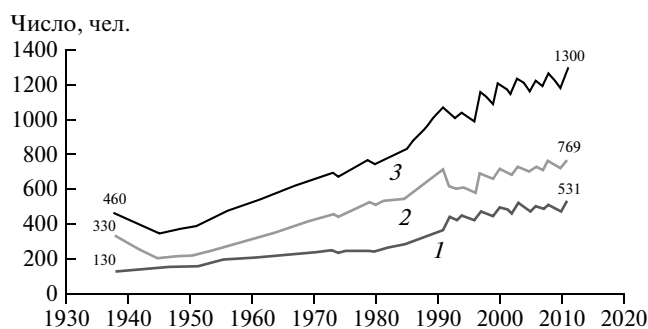

Рис. 1. Изменение численности АН СССР — РАН в период с 1940 по 2010 гг.

1 — академики; 2 — члены-корреспонденты РАН; 3 — общее число членов Академии наук

креслах и не в ректорских кабинетах, а в лабораториях, научных отделах, на экспериментальных установках и научных полигонах. Если не приостановить развитие указанной тенденции, то мы придём к абсурдной ситуации, при которой непременным условием избрания в академию станет высокое должностное положение соискателя.

Не углубляясь в дальнейший анализ итогов прошедших выборов, можно в предельно концентрированной форме резюмировать, что их основной недостаток состоит в том, что среди соискателей академических званий по разным причинам отсутствовали фамилии очень многих крупных учёных, а окончательный выбор из уже представленного списка во многих случаях оказался не оптимальным — далеко не всегда победителями стали сильнейшие кандидаты.

Осмысливая причины негативных явлений в ходе выборов в РАН в последние годы, разумно разделить их на три группы: недостатки, связанные с отдельными положениями Устава академии, организационные нарушения при подготовке и проведении выборов и, наконец, морально-этические аспекты, которые касаются всех участников избирательного процесса, — и тех, кто избирает, и тех, кого избирают. Хотелось бы сразу же оговориться, что автор не претендует на исчерпывающий анализ рассматриваемой сложной и многогранной проблемы, а лишь делится личными соображениями.

После некоторого сокращения числа академиков и членов-корреспондентов в период Великой Отечественной войны, начиная с 1945 г. и до настоящего времени наблюдается неуклонный рост общей численности как членов академии, так и персонала подведомственных ей учреждений (рис. 1). В течение указанного периода общая численность членов Академии наук увеличилась с 383 до 1300 человек, то есть более чем в 3 раза. Если рост численности членов и сотрудников академии сразу после войны до начала так называемой перестройки можно ещё как-то объяснить необ-

ходимостью решения задач восстановления разрушенной экономики и её масштабной модернизации, то дальнейшее её увеличение на фоне резкого снижения численности населения страны, упадка экономики и всё большего доминирования сырьевых отраслей трудно объяснить и тем более оправдать.

В отношении оптимальной численности членов Академии наук могут быть и другие точки зрения, но мне представляется, что неуклонное возрастание численного состава академии объективно не может не оказывать негативного влияния на качественный уровень её персонального состава. В качестве минимальной превентивной меры можно было бы предложить на будущее не допускать превышения достигнутой к настоящему времени или уточнённой после специального изучения этого вопроса численности. Это как раз тот случай, когда консерватизм мог бы проявиться как безусловно позитивная стратегия.

Хотелось бы обратить внимание на очевидную ошибочность решения о введении специальной квоты для кандидатов в академики и члены-корреспонденты с ограничением возраста. Это решение в своё время было принято в обстановке охватившей страну “демократической” эйфории и агрессивных нападок на все сохранившиеся институты советского периода. Именно в те дни раздавались призывы экстремистов “сбить золотой набалдашник” с главного здания Российской академии наук. Тогда же, кстати, было принято и решение о включении в состав Общего собрания РАН так называемых представителей академической общественности, не являющихся членами академии, что, как показала практика, оказалось совершенно бесполезной мерой.

В ряду многих претензий, предъявляемых Академии наук, чаще всего слышались и продолжают слышаться голоса о возрастном составе членов академии. Проблема существенного омоложения творческих коллективов академических научных институтов и учреждений, где реально делается наука, является, несомненно, острой и актуальной, необходимость её радикального решения находится в ряду важнейших стратегических направлений реформирования академии. Что касается членов академии, то введение для них каких-либо возрастных ограничений не представляется критически необходимым. Решение же этого вопроса чисто административными мерами просто невозможно. Проблема связана не столько с Уставом РАН, сколько с той ролью, которая отводится науке в государственном строительстве, с условиями, которые создаёт государство для её функционирования и развития, а также для массового вовлечения в науку молодых сил.

Условия избрания в Академию наук определены в Уставе РАН следующим образом: “Действительными членами Российской Академии наук избира-

ются учёные, обогатившие науку трудами первостепенного научного значения. Членами-корреспондентами Российской академии наук избираются учёные, обогатившие науку выдающимися научными трудами” [7]. Было бы уместным дополнить эти требования положением, которое гарантировало бы при избрании приоритет для учёных, получивших международную известность и признание или внёсших большой вклад в укрепление обороноспособности страны.

Несмотря на очевидную условность и неполноту содержащихся в Уставе требований (например, где граница между “выдающимися научными трудами” и “трусами первостепенного научного значения”?), опыт многолетней истории академии всё же даёт основание считать их в целом приемлемыми. Поэтому не вызывает никакого удивления, что в те времена, когда не существовало никаких возрастных квот, в Академию наук задолго до достижения 50-летия избирались выдающиеся представители науки, в числе которых можно назвать И.И. Артоболевского, Н.Г. Басова, В.Л. Гинзбурга, В.М. Глушкова, Е.И. Забабахина, Я.Б. Зельдовича, П.Л. Капицу, И.К. Кикоина, С.П. Королёва, М.В. Келдыша, И.В. Курчатова, Л.Д. Ландау, С.Н. Мергеляна, М.Д. Миллионщикова, Ю.А. Овчинникова, А.М. Прохорова, А.А. Самарского, Л.И. Седова, Н.Н. Семёнова, А.Н. Тихонова, А.Н. Туполева, Ю.Б. Харитона, М.К. Янгеля. Этот список, в который включены лишь некоторые уже ушедшие из жизни учёные с мировым именем, избранные академиками и членами-корреспондентами в относительно молодом возрасте, можно было бы продолжить, но и представленный перечень наглядно свидетельствует о том, что при наличии достаточных оснований двери в Академию наук всегда были открыты для достойных кандидатов независимо от их возраста.

На основании данных, содержащихся в справочнике [9], легко получить значение среднего возраста нынешнего состава академии. Он составляет 70.2 года. Без учёта членов академии, избранных с ограничением по возрасту, средний возраст увеличивается на очень малую величину и практически остаётся тем же – 70.8 года. Таким образом, введение специальной возрастной квоты, не оказывая сколько-нибудь значимого влияния на величину среднего возраста членов академии, создаёт в то же время вполне явные послабления и привилегии для искусственно выделенной категории участников выборного конкурса. Опыт теперь уже многократно проведённых выборов по новым правилам показывает, что избрание ярких, действительно выдающихся учёных из числа “молодых” кандидатов является, скорее, редким исключением, нежели правилом. К настоящему времени имеются более чем достаточные основания для отказа от этой, в своё время принятой по конъюнктурным соображениям, неоправданной нормы.

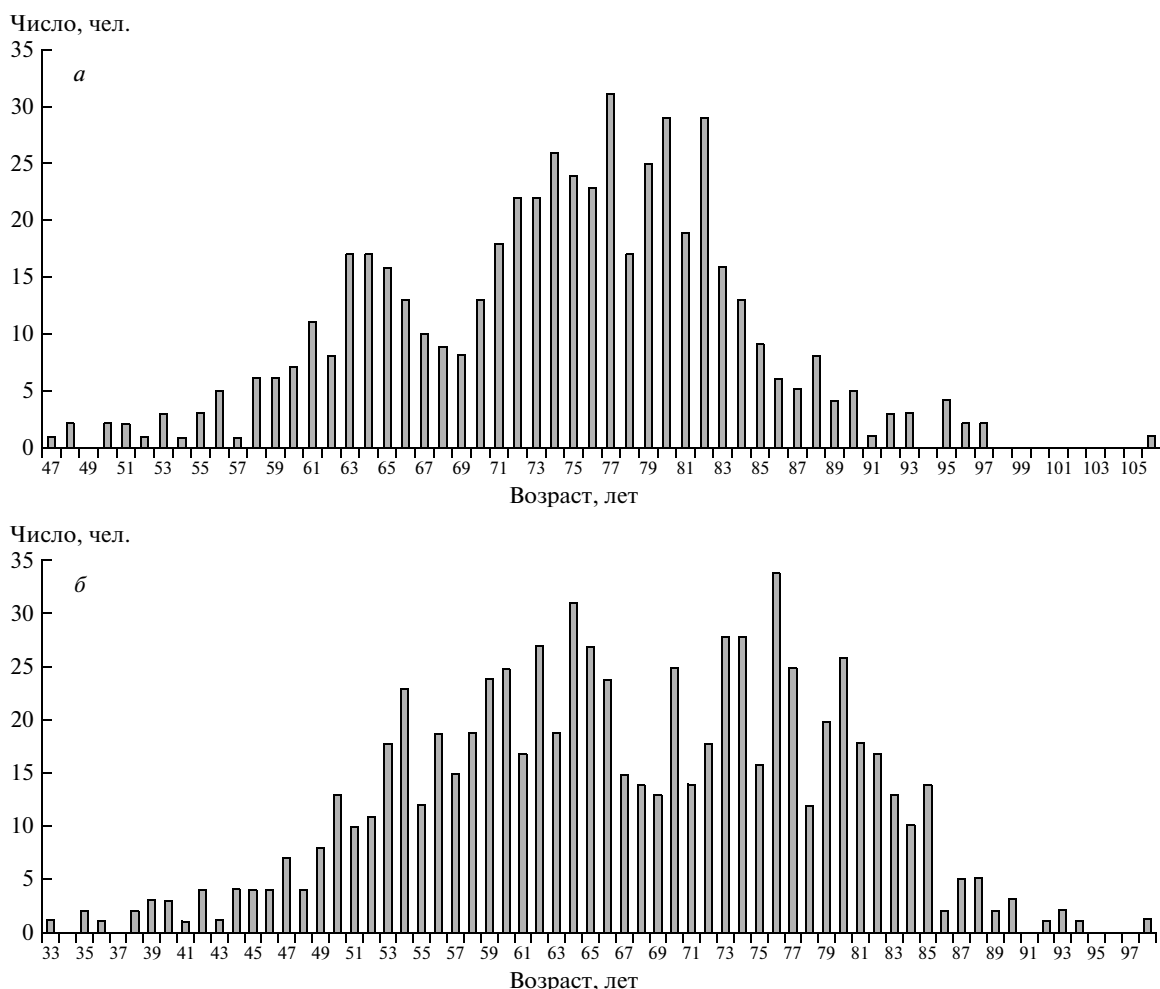

Рис. 2. Возрастное распределение действительных членов РАН (а) и членов-корреспондентов РАН (б) (по состоянию на 30 марта 2012 г.)

Более детальное представление о возрастном составе членов академии можно получить из рассмотрения диаграмм на рисунке 2 (по состоянию на 30 марта 2012 г.). В соответствии с приведёнными данными средний возраст действительных членов составляет 74,6 года, а членов-корреспондентов — 67,4 года. Нужно отметить, что доля академиков в возрасте 70 лет и менее от их общего числа — 28,2%, а доля членов-корреспондентов в возрасте до 50 лет — 6,4%.

Считаю необходимым подчеркнуть, что “возрастная проблема” порождена не самой Академией наук, она является прямым следствием грубых ошибок, допущенных властью в руководстве страной в течение всего постсоветского периода. То обстоятельство, что в наши дни средний возраст избираемых в академию членов выше, чем это было в советское время, — не вина, а скорее, беда академии и нашего общества в целом. Это адекватное отражение невостребованности науки на фоне экономического спада в стране,

коснувшегося в первую очередь высокотехнологичных отраслей экономики.

Отмеченной тенденции постепенного снижения требований к научному уровню избираемых членов РАН в определённой степени способствует принятое в 2003 г. недостаточно выверенное, как теперь понятно, решение по укрупнению отделений одновременно с созданием множества малочисленных секций, единственным правом и задачей которых является проведение выборов на первом, самом решающем, этапе. Совершенно очевидно, что с уменьшением числа выборщиков возрастает влияние на результаты консолидированных групп и всевозможных корпоративных сговоров, что несовместимо как с моральными, так и с элементарными демократическими принципами. На мой взгляд, было бы разумнее проводить первый этап выборов всем составом отделения, а на секции возложить более естественные для них научно-организационные задачи. Все другие предусмотренные действующим Уста-

вом функции отделения, естественно, должны быть сохранены.

Полагаю также назревшим обсуждение нормы Устава, предусматривающей специальные вакансии для региональных отделений и центров академии. На начальных этапах создания и становления этих подразделений выделение целевых вакансий было вполне обоснованным. Однако к настоящему времени некоторые из этих подразделений достигли такого уровня, что уже не нуждаются в каких-либо преференциях. К примеру, Сибирское отделение РАН представлено мощным по численности и авторитету коллективом, который способен отстаивать любые, в том числе и связанные с выборами, региональные интересы. В пользу актуальности обсуждения этой проблемы можно привести участвовавшие в последние годы случаи избрания в состав академии членов региональных отделений и центров сверх выделяемых для них целевых вакансий. Уместно заметить, что, например, для Санкт-Петербургского научного центра специальные вакансии не выделяются. На этом фоне сохранение такой привилегии для столь крупного и влиятельного подразделения, каким является Сибирское отделение РАН, может выглядеть даже как своего рода дискриминационная мера.

В связи с обсуждением уставных проблем необходимо кратко коснуться вопроса об экспертных комиссиях. В “Положении о выборах в РАН” в отношении этих комиссий записано: “В двухнедельный срок после публикации в печати объявления о выборах в РАН бюро отделений РАН назначают экспертные комиссии из числа действительных членов РАН. Экспертные комиссии рассматривают представленные материалы, составляют заключения по всем кандидатурам и рекомендуют наиболее достойных для избрания кандидатами в действительные члены и члены-корреспонденты” [10, с. 5].

Обращает на себя внимание крайняя расплывчатость и небрежность формулировок в этом нормативном документе. Полным абсурдом является избрание “кандидатами в действительные члены и члены-корреспонденты”, поскольку все лица, выдвинутые для участия в выборах, по смыслу уже являются таковыми. Нечёткость предписанного порядка формирования экспертных комиссий порождает произвол и разнообразие подходов. Так, при формировании состава экспертных комиссий в одних случаях в них включаются все входящие в секцию действительные члены академии, в других — только те академики, которые являются членами бюро отделения, и, наконец, в третьих — лишь часть академиков, отбираемая по непонятному принципу. Строго говоря, во всех трёх случаях соответствующая норма положения формально не нарушается. Что касается требования “Положения о выборах” к экспертным ко-

миссиям о необходимости составлять заключения по всем кандидатурам, то оно изначально является нереалистичным и практически никогда не исполняется. Уже эти, содержащиеся в формулировке лишь одного п. 7 “Положения о выборах”, явные неточности в немалой степени определяют серьёзные недостатки в работе экспертных комиссий, их граничащую с полной бесполезностью крайне низкую эффективность.

Я далёк от мысли, что в ходе проведения академических выборов могут допускаться какие-то подтасовки или фальсификации, хотя не однажды приходилось слышать от своих коллег о том, что подобные явления якобы имеют место. Чтобы надёжно исключить не только возможность несовместимых с академической моралью фактов, но и разговоров об этом, было бы правильным отказаться от практики избрания счётных комиссий по заранее подготовленному руководством отделения списку и обеспечить подлинно демократическую процедуру выдвижения кандидатов в комиссию и утверждения её состава. Кроме того, в “Положении о выборах” следовало бы прописать норму, обязывающую сразу после подсчёта голосов все запечатанные в конверт бюллетени доставлять в здание Президиума РАН для их последующего хранения в течение определённого времени в установленном “Положением о выборах” месте.

Главный недостаток в организации подготовки и проведения выборов — это отсутствие в отделениях академии постоянной селекционной работы по выявлению наиболее талантливых и перспективных учёных в научных, учебных, конструкторских и других творческих коллективах — работы, которая должна иметь максимально широкий географический охват. Выдвижение кандидатов для избрания академиками и членами-корреспондентами формально является прерогативой организаций, а практически зависит от активности самих выдвигаемых персон. В результате список кандидатов в существенной мере определяется не их объективными научными достоинствами, а скорее, их напористостью. Лишь на заключительной стадии этого процесса соискатели академических званий обращаются к членам академии с просьбой об официальном выдвижении или поддержке, в которой им, как правило, не отказывают.

Об отсутствии системного подхода к проблеме и во многом о стихийном характере этого важнейшего этапа выборного процесса свидетельствует крайне неравномерный конкурс претендентов по отдельным специальностям, чему в немалой степени способствует и практика выделения вакансий по неоправданно узкому научному профилю. В ходе последних выборов были случаи, когда на некоторые вакансии претендовали три, два и даже один кандидат, в то время как по другим специальностям конкурс достигал 40 претендентов на одно место! Таким образом, при достаточно

высоком среднем уровне на одном полюсе мы наблюдаем практическое отсутствие конкурса, а на другом — столпотворение, в котором совсем не просто сориентироваться, чтобы принять оптимальное решение.

Отсутствие системного подхода и постоянной работы по выявлению и отбору достойных к избранию в академию талантливых учёных приводит к тому, что ознакомление с кандидатами и их трудами приходится в основном на последние перед выборами месяцы. Обычно это происходит в ходе научных сессий, на которых соискатели выступают с 15-минутными сообщениями. Сама идея проведения таких сессий, безусловно, правильная, однако их организация в ряде случаев вызывает неудовлетворённость и справедливую критику со стороны членов академии и самих соискателей. Не говоря уже о том, что такое краткое сообщение не позволяет получить сколько-нибудь полное впечатление о научных достижениях докладчика. На этих слушаниях, кроме председательствующего академика, иногда присутствуют не более двух-трёх членов академии, а остальная аудитория представлена самими соискателями. Нужно принять более строгие требования, обязывающие присутствовать на слушаниях, как минимум, всех членов отделения по соответствующей специальности.

Большая роль в предварительном отборе наиболее достойных кандидатов и выработке рекомендаций собранию выборщиков должна отводиться экспертным комиссиям. Заседания экспертных комиссий часто носят формальный характер, некоторые члены не скрывают, что все кулуарные договорённости уже состоялись и позиции давно определены, так что необходимости в широкой дискуссии и серьёзном обсуждении кандидатур нет. Иногда откровенно предлагается сразу же, без обсуждения приступить к голосованию. Если же обсуждение проводится, то оно носит характер обмена короткими репликами с перечислением фамилий рекомендуемых кандидатов без необходимых, на мой взгляд, развёрнутых обоснований. Само голосование на заседании экспертной комиссии не всегда соответствует действительному мнению голосующего, а является своеобразным манёвром, который должен продемонстрировать выполнение данных обещаний или достигнутых договорённостей. Именно по этой причине корреляция между окончательными результатами выборов и результатами рассмотрения кандидатов на заседаниях экспертных комиссий очень слабая. Нередко кандидат, получивший почти единодушную поддержку экспертной комиссии, на стадии выборов оказывается в числе аутсайдеров. Например, в истории Отделения физико-технических проблем энергетики РАН известен ставший хрестоматийным случай, когда за очень достойного кандидата в действи-

тельные члены академии на заседании экспертной комиссии проголосовали 100% её членов, а на собрании отделения он не получил ни одного голоса. Похожие абсурдные ситуации случались и в других отделениях.

Учитывая важную функцию экспертных комиссий, осуществляющих отбор наиболее достойных из числа зарегистрированных кандидатов на предвыборном этапе, полагаю актуальным принятие следующих мер, которые могли бы способствовать повышению эффективности их работы:

- чёткое нормирование состава, численности и порядка формирования экспертных комиссий; представляется более предпочтительным избрание (а не назначение) членов экспертных комиссий тайным голосованием на собраниях отделений;
- включение в состав экспертных комиссий не только действительных членов, но и членов-корреспондентов РАН, которые могли бы участвовать в работе комиссии при рассмотрении кандидатур на вакансии членов-корреспондентов, — такая норма логически вытекает из того факта, что члены-корреспонденты РАН являются полноправными участниками выборного процесса.

Несколько слов о морально-этических аспектах выборов в академию. Хотя большая часть моей биографии связана с Военно-морским флотом, я в то же время уже 30 с лишним лет состою членом Академии наук СССР — Российской академии наук. Вслед за недавно ушедшим из жизни Виталием Лазаревичем Гинзбургом могу убеждённо повторить: “Я очень люблю нашу академию!”. Именно такой фразой он начинал свои, как правило, критические и всегда яркие выступления на общих собраниях Академии наук. Быть причастным к этому сообществу — большая честь и привилегия. Высоко ценю возможность общения со многими своими коллегами — выдающимися учёными и замечательными высокоинтеллектуальными личностями, которые составляют костяк и основу нашей академии. На этом фоне болезненно воспринимаются недостойные академии отклонения морально-этического характера, которые особенно заметно проявляются в период выборов.

Считаю необходимым подчеркнуть, что я далёк от того, чтобы выступать в качестве некоего безгрешного арбитра, так как в той или иной степени был вынужден следовать сложившимся традициям и практике. Пишу об этом с единственной целью — чтобы откровенно придать гласности и объективно оценить морально-этические издержки, ставшие повседневной нормой, спутниками и элементами выборных технологий.

Пожалуй, самая большая беда из этого ряда — используемая в процессе выборов договорная

практика, когда какая-то отдельная корпоративная группа, связанная теми или иными общими интересами, берёт на себя обязательство (кстати, далеко не всегда выполняемое) поддержать при голосовании некоего кандидата X при условии, что другая корпоративная группа поддержит их кандидата Y. Эти переговоры, естественно, носят кулуарный характер и начинают вестись задолго до выборов, продолжаются во время выборов и даже в перерывах между очередными выборами турами.

По моему глубокому убеждению, такая практика аморальна и недопустима. Она противоречит фундаментальным принципам демократических выборов, при которых каждый принимающий участие в голосовании должен действовать свободно, независимо и по собственной совести. Именно благодаря таким сговорам в состав академии нередко избираются не самые достойные (а иногда и вовсе недостойные) кандидаты. Здесь вполне уместно напомнить, что в спортивной практике договорные матчи давно получили не только общественное осуждение, но и квалифицируются как уголовное преступление.

Очевидным нарушением положений Устава РАН является сохранение за вакансией определённой географической привязки лишь на том основании, что вакансия освободилась после кончины проживавшего именно в данном конкретном регионе члена академии. Выдвигаемое в довольно наступательной манере требование обставляется всевозможными аргументами о недопустимости ослабления соответствующей региональной научной школы. Истинная же цель реализации такой практики — не допустить уменьшения численности корпоративной группы, так как это неизбежно ослабит её влияние на ход и результаты последующих выборов в академию. При всём том уровень научных заслуг выдвигаемого группой кандидата не имеют определяющего значения и оцениваются далеко не всегда объективно.

В связи с обсуждением морально-этических аспектов выборного процесса нельзя обойти вниманием и такую деликатную тему, как привлечение соискателями союзников из числа голосующих членов академии. Арсенал применяемых здесь средств широк и весьма разнообразен: выделение грантов и заказов на выполнение научных исследований от различных министерств и фондов, которое зависит от претендентов на академические звания, занимающих нужные позиции “на раздаче”; оформление на работу по совместительству с весьма приличными зарплатами и без ощутимого обременения обязанностями; проведение так называемых выездных расширенных заседаний бюро отделений, которые заканчиваются хлебосольными застольями и раздачей “памятных сувениров”, порою весьма недешёвых; преподнесение подарков по разным торже-

ственным и не очень торжественным поводам. Можно было бы продолжить этот перечень, но, думаю, в этом нет надобности. Замечу лишь, что интенсивность подобных действий резко возрастает с приближением очередных выборов.

И последнее, о чём хотелось бы написать, — это проблема семейственности. Принято считать, что Бог отдыхает на детях гениев (и это во многих случаях подтверждается), но нередко случаются и приятные исключения. Одно из наиболее известных — двое выдающихся российских математиков, отец и сын Андрей Андреевичи Марковы. Приведу еще один, близкий мне пример. Действительным членом нашей академии является выдающийся учёный-математик Людвиг Дмитриевич Фаддеев. Мне довелось в своё время изучать высшую алгебру по книгам его отца — тоже выдающегося математика Дмитрия Константиновича Фаддеева. К сожалению, такой высокий и достойный уровень преемственности не характерен для участвовавших в последние годы случаев “семейного подряда” при выборах в Академию наук. Конечно, никаких запретов тут быть не может. Однако неукоснительно должны выполняться, по крайней мере, два условия. Первое — не вызывающее ни у кого сомнений безусловное наличие требуемого уровня научных заслуг соискателя академического звания, второе — категорическое исключение родственников из предвыборных дел соискателя вплоть до отказа от участия в голосовании.

Мне хотелось закончить статью на оптимистической ноте, и с этой целью я просмотрел публикации последнего времени, чтобы отыскать высказывания руководства нашего государства о роли и месте в жизни страны науки в целом и фундаментальной науки в частности. Не найдя таких слов в выступлениях наших лидеров, я решил привести цитату из речи Барака Обамы 27 апреля 2009 г. вскоре после его избрания на пост президента США во время 146-го ежегодного собрания Национальной академии наук, где присутствовали 600 членов НАН США. Ссылаясь на обусловленное мировым экономическим кризисом трудное экономическое положение страны, он заявил: “В такой тяжёлый момент есть люди, которые говорят, что мы не можем инвестировать в науку, потому что поддержка исследований так или иначе является непозволительной роскошью в период возникновения более острых потребностей. Я категорически не согласен с такой позицией. В настоящее время наука ещё более важна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения окружающей среды и нашего качества жизни, как никогда до этого... Дело в том, что исследование того или иного физического, химического или биологического процесса может не окупиться в течение года, или десятилетия, или вообще никогда. Но когда оно окупается, выгодами от его исполь-

зования чаще всего пользуются и те, кто платил за исследования, и те, кто не платил” [11, с. 4–8].

Эти слова, прозвучавшие из уст главы государства, которое официально называют нашим стратегическим партнёром, но которое, по факту его реальной политики, является нашим “отъявленным” стратегическим соперником, в полной мере актуальны и справедливы и для нашей страны, обречённой своим геополитическим положением и всем ходом исторического развития на достойное место в ряду великих мировых держав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уставы Российской Академии наук (1724–1999). М.: Наука, 1999.
2. В.И. Ленин и Академия наук / Под ред. Поспелова П.Н. М.: Наука, 1969.
3. *Афиани В.Ю., Илизаров С.С.* “...Мы разгоним к чёртовой матери академию наук”, – заявил 11 июля 1964 года первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1.
4. Академик Лев Андреевич Арцимович (Воспоминания, встречи, документы). М.: Физматлит, 2009.
5. Материалы рабочей группы Совета по науке, образованию и технологиям при Президенте РФ. 2009.
6. *Ленчук Е.Б., Власкин Г.А.* Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике: опыт стран Центральной и Восточной Европы и СНГ. М.: Наука, 2006.
7. Устав Российской академии наук. М.: Наука, 2008.
8. *Баренблатт Г.И.* Что я помню и буду помнить всегда // Колмогоров в воспоминаниях учеников. М.: Изд-во МЦНМО, 2006.
9. Российская академия наук. Ч. 1. Члены Российской академии наук. М.: Наука, 2012.
10. Положение о выборах в РАН (Утверждено Постановлением Общего собрания РАН № 12 от 16 мая 2002 г.). М.: Наука, 2002.
11. *Обама Б.Х.* Обращение к ежегодному собранию Национальной академии наук // Оборонный заказ. 2009. № 23.